

СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!

Наш журнал еще слишком молод! И поэтому, в меру своих сил, редакция стремится разнообразить не только тематику научных статей, но и жанры публикуемых материалов. Наш постоянный автор член редколлегии журнала, заведующий кафедрой культурологии и социокультурной антропологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления В.Л. Кургузов предложил для публикации интересный, с нашей точки зрения, материал в виде триптиха. То есть авторской триады раскрытия очень важной и актуальной темы - соотношения культуры, культурного потенциала в пространстве современной глобализации. И мы приняли решение опубликовать этот материал, главным образом, для оказания помощи тем, кто интересуется данной проблемой.

УДК 008

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (триптих)

В.Л. Кургузов, д-р. культурологии
ВСГУТУ, Улан-Удэ

Триптих структурно состоит из трех самостоятельных фрагментов, объединенных общим логическим смыслом, и создает представление о феномене, еще не разработанном в теоретическом плане - феномене культурного потенциала. Термин «культурный потенциал» занял терминологическую нишу в пространстве не только публицистики или ведомственной документалистики, но и в отдельных трудах культурологической аналитики. Причем, занял в расхожем, вовсе не научном смысле, как нечто само собой разумеющееся. С точки зрения автора, этот подход можно назвать вульгаризаторским, ибо за ним ничего не стоит, в нем нет никаких доказательств правомочности словосочетания «культурный потенциал». Феномен культурного потенциала взят автором триптиха в контексте объективно действующих процессов глобализации, что, в свою очередь, еще более актуализирует эту проблему. Именно эти обстоятельства и послужили поводом для написания представленных трех статей.

Ключевые слова: человечество, культурный потенциал, глобализация, этнические культуры, цивилизация, Россия, Восток, Запад, будущее человечества.

Статья первая

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА СУДЬБЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

На рубеже XXI века локальные цивилизации, этнические культуры (прежде всего цивилизации и традиционные культуры народов Востока) встретились с новым вызовом – вызовом *глобализации*. Как и несколько веков назад, когда они столкнулись с вызовом колонизации со стороны Запада и не сумели дать достойный ответ на него, сегодня идет мучительный поиск альтернативных решений сложных проблем, связанных с противоречивостью процессов глобализации.

Речь, в данном случае, идет не просто об очередном этапе в развитии существующего тысячелетия международного экономического и культурного обмена между странами и цивилизациями, а о качественно новом уровне интернационализации воспроизводства социокультурной и политической сферы, когда центр тяжести в принятии стратегических решений переносится с национально-государственного на глобальный, надгосударственный уровень, когда ни одна страна или цивилизация не могут существовать и развиваться без интенсивных, многообразных связей с другими странами и цивилизациями.

Главное в глобализации – изменение характера труда. Человек всегда зарабатывал себе на хлеб, изменяя природу. Информационные технологии сделали наиболее прибыльным, наиболее коммерчески эффективным бизнесом не преобразование мертвых, природных вещей, которым занималось человечество с момента своего появления, а преобразование живого человеческого сознания – как индивидуального, так и коллективного.

Строго говоря, это не новость. На коммерческой основе это применяется большинством государств мира уже с начала XX века. Однако информационные технологии впервые удешевили и упростили технологии формирования созна-

ния до такой степени, что они стали общедоступны. В результате изменениями нашего сознания занимается не национальное и даже не злое «мировое» правительство, а, как метко подметил М. Делягин, «каждый фабрикант собачьих консервов». Тот, кто не делает этого, давно вытеснен из бизнеса, в котором нечего делать без PR-технологий: в отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей – к уже имеющемуся товару. В результате человечество все больше напоминает хирурга, делающего самому себе операцию на открытом мозге.

Превращение формирования сознания человека, этносов и народов на огромных пространствах планеты в эффективный бизнес – это революция, которая кардинально повышает эффективность производства и качественно меняет международные взаимоотношения.

Однако в целом последствия глобализации, как мне представляется, еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны вообще, так как формирование сознания всегда носит двусторонний характер: формируя чужое сознание, мы неминуемо меняем и свое. Убеждая кого-то в чем-то (а управление при помощи формирования сознания во многом происходит при помощи убеждения), мы неминуемо убеждаем в этом и себя, теряя при этом всякую объективность, вопреки узбекской пословице «если сто раз произнести слово «халва», во рту у нас станет сладко». Этот эффект *самопрограммирования* является главной опасностью, связанной с превращением формирования сознания в наиболее эффективный бизнес: управляющие системы могут просто потерять адекватность в масштабах всего мира, что способно привести к непредсказуемым и весьма пе-

чальным последствиям для всего человечества.

Максимальная эффективность технологий формирования сознания путем «промывания мозгов» качественно повышает влияние тех, кто владеет ими, и тех, кто их применяет, делает могущественными. При этом никакой «платы за могущество» нет: человек, создавая и внедряя новые представления, формируя сознание других людей, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение повседневной жизнью. Как сказал один современный психолог: «Человек, формирующий чужое сознание, испытывает значительно больше положительных эмоций в единицу времени, чем любые другие люди (за исключением влюбленных)».

Но это не все. Еще одной опасностью глобализированного «информационного сознания» является извращение, или, по крайней мере, сужение демократии.

Причина этого не столько в ослаблении роли государства, являющегося опорой современной демократии, сколько в том, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на его элиту – относительно небольшую его часть, участвующую в принятии важных решений или являющихся примером для подражания. Длительные усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты, и оно становится другим, нежели сознание общества в ситуации, когда способ мышления и мировоззрение элиты отличаются от наиболее распространенного мышления в обществе. Элита отрывается от него и теряет эффективность. При этом исчезает смысл демократии, так как идеи и представления, рожденные в низах общества, уже не транслируются наверх по «капиллярным» системам общества. Они просто не воспринимаются элитой. В результате потенциал демократии съезживается до совершенно незначительных размеров самой элиты.

В силу эффективности, влияния и привлекательности своей деятельности элитой информатизированного общества очень быстро становятся люди, участвующие в формировании сознания. Современная Россия здесь не исключение, ибо наше «информационное сообщество», обладающее специфическим мировоззрением, ярко выразившимся с конца 80-х годов прошлого века, системой ценностей и стилем поведения, безвозвратно обособилось от народа. В результате в рамках российского общества возникает глубокое противоречие между «информационной элитой», осуществляющей формирование общественного и индивидуального сознания, творящей «дивный новый мир», и основной массой населения, не имеющей доступа к информационным технологиям и являющейся поэтому исключительно объектом манипуляций.

От всех преимуществ информационной революции народным «низам» сполна достаются только «улицы разбитых фонарей», голливудские боевики, рекламные ролики, вложенные в инвестиционные фонды, и растущая неуверенность в окружающем мире, сконструированном для них «информационной элитой».

Таковы вкратце далеко не исчерпывающие себя негативные тенденции процессов глобализации в современном мире. Возникает вполне закономерный вопрос: так что же это за «фантом» такой – глобализация?

Термин «*глобализация*» сегодня встречается на страницах многочисленных книг, посвященных современному проблемам политического, экономического и социокультурного развития постиндустриального общества. Английский исследователь, вице-канцлер Кингстонского университета П. Скотт совершенно справедливо утверждает, что «сегодня все страны и все народы вовлечены в процессы глобализации», несмотря на то, что сама по себе глобализация – «явление новое, неотделимое от новых форм общественной жизни», и оно «существенным образом отличается от знакомой всем ин-

тернационализации» [1]. Наверное, в наиболее краткой форме необходимо разобраться, в чем же состоит это отличие?

Прежде всего, необходимо отметить, что с *интернационализацией* связан такой порядок мироустройства, при котором доминирующая роль принадлежит национальным государствам с четкими политическими границами, через которые может осуществляться традиционная деятельность по интернационализации различных областей жизнедеятельности народов мира.

Глобализация же – более фундаментальное изменение мирового порядка, при котором национальные границы утрачивают свое значение. Она, по мнению некоторых западных экспертов, является наиболее фундаментальным вызовом, с которым столкнулось человечество за всю свою долгую историю. По мнению П. Скотта, глобализацию нельзя рассматривать как более высокую форму интернационализации, так как интернационализация предполагает существование национального государства, а глобализация его отрицает [2].

По существу, эту мысль П. Скотта разделяет и наш отечественный философ М. Делягин, который считает, что «глобализация – процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее отличие от интеграции, высшей стадией которой она является: интеграция была и в ледниковый период, глобализация началась в 90-х годах прошлого века... Поэтому доктора наук, пишущие о глобализации в эпоху Великих географических открытий, не совсем точны. Это была интеграция» [3].

Вместе с тем, хотя о глобализации, как мы уже отмечали, сегодня говорят и пишут многие, однако разными авторами даются различные трактовки и оценки этого процесса. В периодических изданиях все чаще стали упоминать «антиглобалистов», которые якобы (как луддиты в Великобритании начала XIX века, боровшиеся против необходимого тогда вне-

дрения машин в производство) выступают против неизбежного в наше время все более тесного единения человечества. В действительности же далеко не все «антиглобалисты» оправдывают данную им журналистами «кличку» и, более того, некоторые из них решительно отвергают ее.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что протест «неолуддитов» исторически обречен, как и всякий бунт против технологического прогресса. «Парадоксально, – пишет М. Делягин, – что сейчас, опять-таки впервые в истории человечества, можно остановить прогресс, надолго разрушив Интернет, однако бунтари, способные дернуть стоп-кран в самолете человеческой цивилизации, гарантированно не смогут создать соответствующие технологии» [4].

Один из участников Второго Всемирного социального форума (Порту-Алегре, Бразилия, февраль 2002 г.), экономист А.В. Бузгалин приводит три основных версии понимания глобализации как таковой. *Первая* – это некоторый объективный социальный, экономический и политический процесс, требующий изучения. *Вторая* – это идеологическая конструкция, направленная на реколонизацию мира и укрепления господства США и их сателлитов. *Третья* – это объективный процесс интеграции, формирование мировых технологических систем, осуществляющийся в различных общественных формах при господствующей роли глобального капитала как экономической и политической силы [5].

В последнем случае допускается двоякий вариант развития ситуации. Согласно первому варианту, глобализация представляет собой окончательную и полную победу капитала на мировой арене, новую историческую стадию, преодолевающую национальное государство. По второму варианту, глобализация – это последний этап мирового капитализма и начало постепенного перехода человечества в социализм. XXI век – век мирового социализма [6].

Свою позицию на сей счет имеет академик РАЕН Ю.В. Яковец. «Тремя китами», на которых выстраивается и стоит глобализация, он называет:

– *глобальную экономическую интеграцию* на основе господства транснациональных корпораций (ТНК), контролирующих более половины ВВП и почти всю мировую торговлю, доля которой в ВВП мира выросла с 39 % в 1980 г. до 43 % в 1996 г, создана сеть мировых финансовых центров, обеспечивающих свободный межцивилизационный переток финансового капитала и инвестиций;

– *формирование глобального информационного пространства* (сети телекоммуникаций, паутины Интернет, мобильной телефонной связи и т. п.), обеспечивающего свободное движение информации (коммерческой, культурной, научно-технической, политической и пр.) и стирающего границы между странами и культурами;

– *реконструкцию геополитического пространства* в результате распада советского блока и СССР, торжества западной цивилизации и все более осязаемого диктата одной сверхдержавы – США, опирающейся на военно-политический блок НАТО, который не раз демонстрировал свою силу в межцивилизационных конфликтах [7].

С нашей точки зрения, глобализация как процесс все большего и большего вовлечения различных стран в единый исторический поток имеет объективный характер, и никакими заклинаниями ее не остановить, т. к. она, при всех недостатках, способствует развитию производительных сил, повышению производительности труда, улучшению качества жизни, интенсивному обмену культурными ценностями. Интеграция финансовых и других межгосударственных ресурсов, безусловно, позитивно влияет на улучшение экологической ситуации планеты, и тут мы полностью согласны с утверждением Л.И. Мечникова: «Смерть или солидарность, других путей у человечества нет. Если оно не хочет погибнуть, то люди должны прибегнуть к со-

лидарности и к общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды» [8].

Однако глобализация может иметь (и, к сожалению, имеет) не только позитивные, но и негативные последствия. Причем, негативные ее проявления в различных сферах современной общественной жизни (особенно, как нам представляется, в духовной культуре) могут во сто крат перекрывать ее позитивное воздействие. На это обращают свое внимание многие исследователи. В частности, академик Н.Н. Моисеев в одной из своих последних работ подчеркивал, что «с созданием мировой экономической системы начал работать «дьявольский насос», высасывающий из слаборазвитых государств не только капиталы, но и ресурсы, и наиболее талантливых и энергичных представителей народов этих стран. Возникает материальная основа реализации идеи «золотого миллиарда» – одной из самых страшных опасностей, стоящих на пути развития рода человеческого. И она – непосредственное следствие того процесса, который привел к рождению монстра, имя которому МИРОВОЙ РЫНОК» [9].

В настоящее время как у нас в стране, так и за рубежом, все более осознается тот факт, что надежда на урегулирование всех проблем рыночным хозяйством (аналогично нашим былым надеждам на «плановое хозяйство») является опасным мифом. В одной из работ известного Римского клуба (1991 г.) четко говорится: «Рынок плохо приспособлен к действиям, имеющим перспективную направленность, затрагивающим интересы будущих поколений и связанным с использованием ресурсов, находящихся в общественной собственности. Он функционирует в основном в соответствии с краткосрочными интересами» [10].

От себя добавим: рынок (и российская действительность подтверждает это), коммерциализация «всего и вся» самым негативным образом проявляет себя в сфере культуры, в сфере духовных отношений людей, в сфере воспитания под-

растающих поколений. Чтобы убедиться в этом, нет необходимости выходить из собственного дома. Достаточно включить в сеть своего «члена семьи» – телевизор и признать тот факт, что определяющим аргументом в подборе коммерческими каналами, например, кинофильмов для демонстрации массовой аудитории являются чистоган, прибыль, а не какая-либо целесообразность «духовного совершенствования».

Опасно было бы закрывать глаза и на то, что глобализация на деле проходит по пути вестернизации, является, как справедливо считает Ю.В. Яковец, «...последней попыткой для цивилизаций Запада продлить свое доминирование в XXI в., сохранить основы доживающего свой век индустриального общества, приукрасив его фасад, с помощью новых инструментов осуществлять доминирование над цивилизациями Востока» [11]. Об этой скрытой стороне глобализации можно судить хотя бы по следующим данным.

Страны с высоким доходом – западноевропейская (13 стран) и североамериканская (2 страны) цивилизации, а также Япония, Австралия, Новая Зеландия, новые индустриальные страны Азии (Республика Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань) и восточно-средиземноморские страны (Израиль, Катар, Кувейт, ОАЭ) – с 1980 по 1996 г. повысили свою долю в мировом экспорте с 71,7 до 75,7 %.. Учитывая, что львиную долю доходов от международной торговли, а также ренты и квазиренты (особенно технологической) присваивают ТНК, центры которых расположены преимущественно в развитых странах, нетрудно догадаться, кому достаются выгоды от глобализации экономики. В странах с высоким доходом в 1997 г. создавалось 79,5 % мирового ВВП на душу населения, что в 73,4 раза больше, чем в странах с низким уровнем доходов [12].

Приведем и еще более впечатляющую статистику, имеющую непосредственное отношение к теме нашего исследования, касающуюся негативного влияния глоба-

лизации на судьбы людей, этносов и народов.

Страны с высоким уровнем дохода (преимущественно цивилизации Запада) имеют на 1000 человек населения ежедневных газет в 6,2 раза больше, чем весь остальной мир, телевизоров – в 3,5 раза, телефонных линий – в 10,4 раза, мобильных телефонов – в 26,2 раза, персональных компьютеров – в 25,7 раза, узлов Интернета – в 133 раза больше [13]. Не стоит сомневаться, кому выгодны стремительно развивающиеся процессы информатизации. К тому же, эта сфера в наибольшей степени монополизирована и глобализирована, «купоны стрижет» небольшое число супер-ТНК. Да и содержание информационных потоков определяется бюрократическими интересами западных цивилизаций. Причем, как правило, эти информационные «блюда» строго регламентируются: одни для собственного употребления, а другие, чаще всего антигуманного, безнравственного содержания – для потребления населением других стран.

Надо ли говорить о том, что геополитическое и военное превосходство западных цивилизаций используется всецело в их интересах.

Таким образом, процессы глобализации служат в основном интересам Запада. Более того, они используются для усиления вестернизации культуры народов Востока, навязывая им английский язык, образ мышления, идеалы и унифицированную культуру Запада.

Многочисленные народы и этносы Востока, прежде всего Евразии, Центральной и Юго-Восточной Азии, в состав которых входят народы многонациональной России – русские, буряты, якуты, тувинцы, хакасы, эвенки, стоят сегодня перед исторической альтернативой – или *довести процесс вестернизации до предела*, растворившись в цивилизациях Запада, став их периферией, ухудшенной копией со славным историческим прошлым, потеряв в череде будущих поколений свое социокультурное ядро (наследственный генотип), экономическую, а, в ко-

нечном счете, и политическую независимость в однополярном мире, или *ответить на вызов возрождением и усилением своей самобытности*, сохранением и обогащением собственного культурного наследия, собственного *культурного потенциала*, выраженного в собственном мировоззрении и образе жизни на фоне необратимых процессов нарастания мирохозяйственных связей.

Теоретически возможен, но практически нереален и третий путь: возврат к изолированному, автономному развитию цивилизаций, сокращению разносторонних связей между Востоком и Западом, противостоянию цивилизаций, которое может завершиться их столкновением со всеми вытекающими из этого последствиями.

Эта альтернатива представлена в развернувшейся в 90-е годы прошлого века дискуссии между «миросистемниками» и «цивилизационщиками» на страницах журнала «Comparative Civilizations Review» (после опубликования в 1994 г. статьи американского ученого М. Мелко) и обобщенной в 1995 г. в книге «Цивилизации и мировые системы» [14].

Позицию «миросистемников» наиболее отчетливо выразил профессор Калифорнийского университета (США) Дэвид Уилкинсон. По его мнению, цивилизации – это мировые системы, критерием для выделения которых являются города и закрытые системы отношений. После 1500 г. возникает Центральная цивилизация, постепенно поглощающая все остальные цивилизации мира в итоге процесса конвергенции. Вплоть до конца XIX века или начала XX сохранялся цивилизационный плюрализм. Однако в настоящее время существует только одна цивилизация, поглотившая остальные [15]. Разумеется, это западная цивилизация, поглотившая как восточные, так и промежуточные цивилизации и преобразовавшая мир по своему образу и подобию.

Собственно говоря, эти взгляды не так уж и новы, они доводят до конца процесс вестернизации мира, развивающийся в течение второй половины второго тыся-

челетия нашей эры. Б.С. Ерасов не без оснований замечал, что «для сторонников миросистемного подхода К. Маркс остается важным основателем глобалистского понимания общественных процессов. Этот глобализм вытекает из постулата, что именно разделение труда и накопление капитала как главной производительной силы является движущей силой истории» [16].

Известно, сколь настойчиво проводилась последователями К. Маркса идея о неизбежности стирания национальных различий в будущем коммунистическом обществе. Эта позиция лаконично выражена в советских энциклопедических словарях: «В зрелом коммунистическом обществе можно предвидеть слияние наций в единое человечество» [17]. Поскольку марксизм является одной из ветвей западной экономической мысли, то он выражал перспективу трансформации наций и цивилизаций по западному образцу, игнорируя особенности восточных цивилизаций, представляющих якобы упадочный и отмирающий азиатский способ производства.

Противоположной позиции придерживаются «цивилизационщики». Не отрицая усиления и нового качества миросистемных связей, они доказывают сохранение базовых социальных, экологических, цивилизационных образований, каждое из которых может иметь свое цивилизационное ядро. Такими образованиями выступают Евразия, Запад, исламский мир, индуистско-буддистский мир и т. п., которые становятся единицами дифференцированной или глобальной области [18]. М. Мелко подчеркивает способность иных цивилизаций освоить и трансформировать западные технологии, необходимость заниматься не только сопоставлением цивилизаций, но и их взаимодействием [19].

Естественно, возникает вопрос: возможно ли преодолеть негативные проявления глобализации? Если это невозможно, то невозможно и сколько-нибудь достойное существование человечества и обеспечение его устойчивого и согласо-

ванного развития, невозможно утверждение ноосферы. Если же мы признаем необходимость того, другого и третьего, то нам недостаточно просто приветствовать объективно идущий процесс глобализации, независимо от тех или иных форм его проявления. Мы вынуждены признать, что, например, утверждение ноосферы возможно лишь в условиях сознательного управления процессом глобализации, по меньшей мере, по линии оптимизации взаимодействия природы и общества (но не только по этой линии).

Весь экономический и политический порядок, который стихийно сложился на планете к концу XX века, должен быть целенаправленно усовершенствован. По мнению академика Н.Н. Моисеева, «это важнейшая задача формирующегося ныне планетарного гражданского общества в деле реализации принципа *sustainability development*, объявленного на конгрессе в Рио. Без его кардинального решения все остальные экономические программы останутся благими пожеланиями» [20].

Разделяя в принципе подтекст данной мысли об интеграции усилий мирового сообщества в решении проблем глобального, общечеловеческого значения, нас, мягко говоря, смущает презентация принципа *sustainability development* (устойчивое развитие) в качестве панацеи от всех грозящих нам бед. Нам более близка другая, прямо противоположная мысль, высказанная директором Института этнологии и антропологии РАН, доктором исторических наук, профессором В.А. Тишковым, который пишет: «На мой взгляд, умирающая и полупустая формула так называемого устойчивого развития должна нас интересовать меньше. В ней скорее заключена европоцентристская, или западно-центристская установка: *давайте сохраним все, как есть* (выделено нами – В.К.), в том числе и колоссальное социальное неравенство в доступе к культурным благам, не говоря об экономике» [21].

Для дальнейших рассуждений о негативном влиянии процесса глобализации на судьбы традиционных культур следует

обратить внимание на ее исходные границы и идейные предпосылки.

В литературе очень часто исторические рамки глобализации ограничивают последним десятилетием XX и началом XXI века. В указанное историческое время, действительно, имеют место весьма яркие проявления глобализации. В области *технологии* достигается невиданное доселе «покорение» пространства в масштабах практически всей планеты: телевидение, Интернет, мобильные телесистемы и т. п. В *экономической* сфере существенно меняется роль банков, на первый план выходят инвестиционные фонды, которые рассматривают весь мир как арену для своих прибылей, деньги во многом теряют национальный смысл. В *политической* сфере идет ослабление роли государств в жизни обществ и усиление роли транснациональных корпораций, обваливается «левый фронт», появляется новый либерализм.

Известный ученый-американист А.И. Уткин именует это историческое время периодом современной глобализации, являющимся третьей волной ее общего процесса. Вторая волна захватывает у него 1914-1991 гг., первая – 1885-1914 гг. (время прокладки трансатлантического кабеля) [22]. По вышеприведенной логике, периодизацию глобализации можно дополнить новыми «волнами»: изобретением паровой машины, великими географическими открытиями и т. д. Однако подобное выделение и дополнение будут свидетельствовать, на наш взгляд, об отсутствии различия предпосылок, тенденций становления глобализации и ее более или менее устоявшейся модели.

По мнению И.Я. Фроянова, исходные границы глобализации идут вглубь веков, они фиксируются, по меньшей мере, двумя столетиями раньше нашего времени. С его точки зрения, глобализация означает собой «формирование нового мирового порядка, характеризуемого слиянием (нередко принудительным и насильственным) национальных экономик в единую мировую экономическую систему, уничтожением национальных госу-

дарств и правительств, а значит, государственных границ» [23].

Что касается объективного содержания процесса глобализации, то в наше время, в принципе, в нем могут действительно присутствовать указанные выше тенденции. Однако трудно согласиться с тем, что данной «особе» не менее двух веков. Возможно, более уместно было бы говорить в данном случае о попытках формирования неких идейных предпосылок оказания соответствующего воздействия на становление во времени процесса единения человечества с целью придания этому процессу нужной формы, направления, скорости и характера.

Истоки этого воздействия И.Я. Фроянов связывает, кстати, с деятельностью иллюминатов [24]. (Их объединение было разновидностью масонского ордена, возникшего в XVIII в. с целью борьбы за просвещение, космополитический образ мыслей и выступавшего против монархии, членами которого были, в частности, Песталоцци, Гете и др.).

Идея «нового мирового порядка» действительно уходит вглубь истории. В ходе своего вызревания на Западе она в качестве чуть ли не обязательного компонента включала в себя неприязнь к России. Русские писатели, философы, политические деятели давно говорили об этом. Так, Н.Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» (1871 г.) предостерегал от опасности утверждения на Земле одного культурно-исторического типа (или, выражаясь современным языком, нового мирового порядка). Для темы нашего исследования весьма важно то, что он был убежден в гибельности такого пути для человечества, поскольку господство одной цивилизации, одной культуры лишило бы человеческий род необходимого условия совершенствования – элемента разнообразия.

Данилевский осуждал Запад за навязывание им своей культуры (под прикрытием «общечеловеческих ценностей») всему остальному миру. Он отличал «общечеловеческое» как абстрактно-общее, а потому нечто бесцветное, от «всечелове-

ческого» как конкретно-общее, включающее в себя все богатство национально-особенного. Весьма актуально для сегодняшнего времени звучат его слова о том, что, раз «общечеловеческое» лишено национального элемента, оно представляет собой всего-навсего «пошлость в полнейшем значении этого слова». «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории», – писал Н.Я. Данилевский [25].

В этом смысле идея мировой демократии ничуть не лучше идеи мировой революции, мирового коммунизма. Несмотря на кажущееся различие, они имеют общее, которое состоит в пренебрежении к национальной судьбе народов как самостоятельных субъектов истории. «Мировая демократия Запада, – писал русский эмигрант Александр Уайт еще в 1955 г., – не есть антипод Мирового коммунизма..., а лишь «причесанная» гуманизированная форма все той же интернациональной системы, которая должна объединить мировым правительством все народы мира и которая, по словам горячего сторонника Мировой Демократии Тойнби, «...заставит всех маршировать по струнке и принудит всех людей подчиняться одним и тем же правителям». Поэтому борьба между ними не есть борьба против интернационального коммунизма, как понимает это большинство русских эмигрантов, а всего лишь борьба, сопровождающая замену неугодного Западу советского режима другим, более созвучным интернационалистам Запада. Все это настолько самоочевидно, что не стоило бы тратить время на доказательство, если бы русские упорно не закрывали на это глаза» [26].

Анализ состояния и развития ценностных оснований традиционных культур этносов Восточной Сибири, предпринятый автором книги в ходе разработки исследуемых проблем, предопределил мой вывод о том, что унификация путей развития стран и культурного разнообразия

их регионов, сведение этого многообразия к одному «общечеловеческому» знаменателю сродни самым опасным формам терроризма, оставляющим после себя социокультурную пустыню. Подобной унификацией уничтожаются веками добытое богатство как отдельных стран и народов, так и всего человечества. И дело даже не в поведенческом стиле, скажем, представителей русской, бурятской, якутской, тувинской или эвенкийской молодежи, которая, аналогично своим западным сверстникам, одевается в одинаковые шорты, жует вездесущий «Сникерс» или пытается забыть свои национальные песни, фальшиво подпевая заморским бардам. Дело в исчезновении ценнейших качеств нравственной культуры народов, кардинальном изменении их ментальности, органически приспособленной к природно-территориальной и социокультурной среде их обитания.

Набатов сегодня звучат очень близкие для меня слова, сказанные русским философом К.Н. Леонтьевым более века тому назад: «Культура есть не что иное, как своеобразие, а своеобразие ныне почти везде гибнет преимущественно от политической свободы. Индивидуализация губит индивидуальность людей, областей, наций» [27]. Анализируя цепь различных исторических событий на Западе с конца 50-х годов XIX в., он прозорливо делал вывод о том, что «следствием этих событий является подготовка к переходу в государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потом, быть может, и всемирное» [28].

Тот факт, что идея глобализации имеет немалую историю, не является выдумкой «зловредных» авторов. И все же, думается, что реальный процесс глобализации во всей своей противоречивой сущности и направленности, непосредственно и с все возрастающей скоростью формирования своей собственной основы разворачивается с середины прошлого века, с начала развертывания НТР. Видимо, не случайно именно в это время В.И. Вернадский и другие исследователи напрямую заговорили о ноосфере, о практической необ-

ходимости управления силами природы и общества, а также о процессах их взаимодействия друг с другом.

Не является выдумкой «зловредных» авторов и наличие высказываний о негативных последствиях глобализации. Более того, я полагаю, что эти последствия не в коей мере не должны затушевываться. Наоборот – они должны глубоко и основательно анализироваться, в том числе и с помощью культурологического дискурса, с целью оптимального противодействия им, что, в меру своих сил, мы и пытаемся делать в данной работе.

В этой связи автор отчасти солидарен с мнением известного экономиста-эколога В.И. Данилова-Данильяна о том, что «глобализация как идея глобального использования всем человечеством того, что создано локально (все это в полной мере соответствует законам преемственности и развития, единства и разнообразия культуры – В.К.), безусловно, продуктивна, хотя в нынешних формах глобализация способствует неустойчивости». Далее этот ученый сообщает: «Россия может построить нормальную экономику только тогда, когда она перестанет «осваивать», когда будет развивать нормальное хозяйство на обжитых территориях, пригодных для нормального человеческого существования. Самоограничение в ресурсопользовании пойдет только на пользу экономике и будет способствовать устойчивости развития страны» [29].

С позиций чистой экономики и экологии, может быть, это и возможно. Однако встает немаловажный вопрос: удастся ли (позволительно ли будет?) России в условиях нынешней формы глобализации «развивать нормальное хозяйство», самоограничиваясь в ресурсопользовании? На этот счет у меня есть большие сомнения, ибо устойчивость развития России в наше время – это не чисто эколого-экономическая проблема, а главным образом, политическая и социокультурная, и самое главное – духовно-нравственная проблема, решение каждой из которых зависит, разумеется, не только (и не столько) от внешних факторов и обстоя-

тельств. Решение духовно-нравственных проблем потребует не внешнего, а сугубо внутреннего ресурса – *культурного потенциала* страны, состоящего из совокупности культурных потенциалов населяющих ее этносов и народов.

О негативных последствиях включения России в процесс глобализации говорится и пишется немало. Выше мы уже приводили позицию Н.Н. Моисеева. По мнению же А.И. Уткина, «российское включение в процесс глобализации приведет к развалу экономики» [30]. Серьезное опасение на этот счет высказывают и многие другие авторы. Возникает вполне закономерный вопрос – какой из вышеназванных трех альтернативных сценариев взаимодействия и сближения (или расхождения) цивилизаций наиболее реален в XXI веке?

Прежде всего, как считает Ю.В. Яковец, «следует исключить сценарий обособления, расхождения цивилизаций, возврат к состоянию до 1500 г., когда между ними были разнообразные контакты и формы взаимодействия – от межцивилизационных войн до элементов партнерства, но каждая цивилизация сохраняла свою самодостаточность и независимость» [31].

По обоснованному утверждению Ильи Пригожина, стрела времени обратного хода не имеет; в прошлое можно вернуться только в фантастической «машине времени» или в виртуальном путешествии историка, археолога, писателя. Вся сложность состоит в том, что интенсивность экономического, научно-технического, социокультурного, информационного обмена между странами и цивилизациями такова, что невозможно разорвать эту плотную ткань без невосполнимого ущерба для каждого его участника и мирового сообщества в целом. Вернуться к политике изоляционизма, подобной той, которую проводила Япония до реформ Мэйдзи, сейчас невозможно.

Как ни печально это признавать, но наиболее вероятной является альтернатива вестернизации, или вырождения цивилизаций Востока (и пограничных, проме-

жуточных цивилизаций, включая евразийскую), если, конечно, их страны и народы равным счетом ничего не будут предпринимать на сей счет. Во всяком случае, тенденция к вестернизации в условиях современного периода глобализации, проводимой под знаком доминирования западных цивилизаций, сейчас преобладает, обретая новые формы и модификации. Стержнем вестернизации является господство транснациональных корпораций в мировой экономике, то, что Н.Н. Моисеев назвал «миром ТНК». В частности, он писал: «Утверждение Мира ТНК – это некая революция во всепланетарном масштабе, революция беспрецедентная по ее размаху и вероятным последствиям. Она приведет к полной перестройке жизнеустройства на Земле, причем не где-то там за горизонтом, а в ближайших десятилетиях» [32].

Следует прислушаться к голосу величайшего русского мыслителя конца XX века. При этом было бы непростительным сводить роль ТНК только к концентрации огромной финансово-экономической мощи. В контексте темы данного исследования весьма важно то, что ТНК наднациональны, а, стало быть, находятся вне контроля гражданского общества, не выходящего за национальные границы. Тем не менее, они сегодня решают судьбы правительств и политических режимов, обрели силу над мышлением народов, моралью, поведением миллиардов людей, подчинив себе информационные каналы и навязывая западные стереотипы, нормы поведения, взгляды на мир. Это самые мощные инструменты вестернизации, реально угрожающие самобытности, будущему цивилизаций Востока, ценностным основаниям этнических культур восточных народов.

Однако, несмотря на столь пессимистическую констатацию, у всех народов Востока, по моему глубокому убеждению, есть резервы для достойного ответа на вызов глобализации.

Главным ресурсом сопротивления экспансии Запада и очагом возрождения как цивилизаций Востока в целом, так и куль-

тур народов востока России в частности, являются культурная самобытность, своеобразный менталитет, духовный мир этих народов, складывавшийся тысячелетиями, исторические традиции творческого лидерства в прошлом.

Это прозорливо предвидел великий российско-американский социолог Питирим Сорокин: «В творческом лидерстве с доисторических времен до XIV века народы Западной Европы и Америки, по видимому, значительно отставали от народов Азии и Африки... В исторические времена, когда евро-американские народы все еще жили в примитивных социокультурных условиях, в Африке и Азии великие цивилизации – египетская, вавилонская, шумерская, хеттская, иранская, китайская, индийская и индейская... – возникали, развивались, достигали расцвета и приходили в упадок в течение столетий и тысячелетий... Западные, или евро-американские народы были последними, кто принял на себя творческое лидерство человечества. Приблизительно только с XIII века они несли «факел творчества», главным образом, в областях науки, технологии, изящных искусств, философии, экономики и политики... Они заслуженно сделали евро-американскую цивилизацию и народ временно превосходящими цивилизации и народы Азии и Африки» [33].

Все эти достижения позволили евро-американским народам оккупировать, подчинить и эксплуатировать население Азии и Африки. Влияние западной цивилизации на афро-азиатские народы и их культуры было до определенного времени непреодолимым и подавляющим. Вместе с тем, оно вызвало у этих народов сильное желание и последовательные усилия адаптировать западную науку и технологию, чтобы искоренить или уменьшить свою нищету, бедность, неграмотность, голод и болезни, улучшить свой образ жизни и, в конечном счете, освободить себя от подчинения господству Европы и Америки. «Запад, – пишет индийский мыслитель С. Радхакришнан, – сам вызывает к жизни силы сопротивле-

ния его господству и наделяет подчиненные народы умениями и институтами, которые вполне эффективно могли бы быть использованы против него самого. Западное господство сеет семена собственной дезинтеграции» [34].

Уже П. Сорокин предвидел тенденцию перемещения центра творческого лидерства человечества с Запада на Восток: «Творческое лидерство Запада, которое евро-американские народы монополизировали в течение последних пяти столетий, подходит к концу... В результате, творческий центр истории человечества, который был локализован в течение столетий в Европе и европеизированной Америке, окончательно перестал быть заключенным внутри этих границ. В значительной степени он распространился на Восток и становится «планетарным» в смысле активности не только на Западе, но также и на Востоке» [35]. Сегодняшняя действительность красноречиво подтверждает эту тенденцию.

Приведенные выше достаточно длинные цитаты использованы только с одной целью: в них удивительно точно и образно выражены четыре главные идеи о динамике взаимодействия цивилизаций в период всеохватывающих процессов глобализации. Итак, в порядке выводов об объективных факторах, способных быть альтернативой негативным последствиям, вызванных процессами глобализации, следует подчеркнуть:

во-первых, цивилизации родились на Востоке, который в течение тысячелетий был центром культурно-исторического, технологического и экономического процесса, когда в Западной Европе и Америке господствовали примитивные культуры народов, которые проходили лишь первые стадии цивилизационной динамики. Не случайно В.И. Вернадский отмечал, что, хотя традиционным местом и временем рождения, например, абстрактной науки считаются Афины и другие греческие полисы VI-IV вв. до н. э., настоящая ее история началась на много столетий раньше: «Творцы эллинской науки и философии... исходили в своей

творческой работе из достижений ученых и мыслителей Египта, Халдеи, арийских и неарийских цивилизаций Востока» [36];

во-вторых, «факел творческого лидерства» (прежде всего в науке, технологии, экономике, военном деле) страны Западной Европы и европеизированной Америки подхватили лишь четыре-пять столетий назад. Бумага и порох, компас и трехпалубные корабли с телескопическими мачтами, книгопечатание с помощью керамического шрифта и идея гуманизма, поэтически выраженная в творчестве Саади задолго до европейского Ренессанса, генетически принадлежат не западной культуре, а восточной.

По расчетам английского экономиста П. Кеннеди, еще в 1750 г. Китай производил 32,8 % мировой промышленной продукции, Индия – 24,5 %, тогда как на долю Европы (без России) приходилось всего 18,1 %, а США – 0,1 % [37]. Даже в 1900 г., по расчетам С. Хантингтона, под политическим контролем западной цивилизации было лишь 44,3 % нынешнего мира, а с учетом Китая, который находился в полукOLONIALной зависимости от Запада, – 63,6 % [38];

в-третьих, цивилизации Востока могут выстоять и возродиться, пройдя через процесс модернизации, освоив и трансформировав применительно к своим потребностям и в соответствии с ценностями своих традиционных культур достижения науки, технологии и культуры Запада. Убедительный пример этого показали в последние десятилетия Япония, Корея, Сингапур, Китай, другие индустриальные страны Азии. Вряд ли стоит забывать то, что японское экономическое «чудо», например, было бы невозможным без тех 200 тысяч молодых японцев, которые в 50-х годах прошлого столетия получили образование в лучших университетах США, Канады и Западной Европы. В 2000 г. только в американских вузах обучалось 46,5 тыс. японских студентов.

Примеру Японии следует КНР. В документе ЦК КПК и Госсовета от 13 февраля 1993 г. «Основы реформы и развития образования в Китае» подчеркнуто, что

«китайские студенты, обучающиеся в лучших университетах США и Западной Европы, представляют собой величайшее достояние китайской нации». И это не декларация. Уже в 2000 г. только в США обучалось около 60 тыс. китайских студентов. К ним следует добавить 18 тыс. студентов, обучавшихся в Европе, 7,6 тыс. в Гонконге и др. При этом симптоматично отметить то, что, даже получив образование в лучших университетах Европы и Америки, азиаты по приезду домой не перестают оставаться китайцами, японцами или корейцами. Они, как правило, используют полученные знания, опираясь на свой национальный менталитет, на ценности своих национальных культур;

в-четвертых, цивилизации Востока имеют вполне реальные шансы войти в состав творческих лидеров человечества. Это уже доказала Япония, это убедительно доказывает современный Китай. Еще в 60-е годы прошлого века, в период разгула «культурной революции» его экономика способна была произвести лишь 60 кв. см. ситца на душу населения, а сегодня Китай весьма успешно покоряет космическое пространство.

Это, конечно, не означает, что западные цивилизации будут отброшены назад и потеряют свой творческий потенциал. Они просто перестанут быть монополистами. Более того, развертывающийся технологический переворот, как отмечает Н.Н. Моисеев, имеет больше шансов для реализации на Востоке: «Может быть, большинство технических ноу-хау и будет продолжаться создаваться в западной части планеты, но более эффективные формы организации труда, необходимые для тиражирования, теперь чаще рождаются на Востоке, а не на Западе... Новая модернизация будет трудна для Запада, ибо она будет основываться на новых цивилизационных установках...» [39]. От себя добавлю – на новых и во многом не знакомых Западу ценностях и особенностях национальных культур.

Не зря же писал О. Шпенглер еще в 20-е годы прошлого века в своей знаменитой книге «Закат Европы» о том, что «дрях-

леющее тело европейской культуры нуждается в инъекциях, которые надо взять на Востоке»). «В новых условиях, – продолжает Н.Н. Моисеев, – роль западной цивилизации, западной культуры в оформлении облика планетарного сообщества станет заметно уменьшаться. Западные страны могут утратить лидирующее положение... Как носитель *нового цивилизационного качества*, наверное, активно выступит Восток».

Однако чтобы столь оптимистичный для Востока и пессимистичный для Запада сценарий стал реальностью, *необходимо преодолеть то грандиозное контрнаступление*, которое сегодня предпринимает Запад (главной ударной силой выступает североамериканская цивилизация), реализуя стратегическую глобализацию по западным стандартам, опираясь на ТНК и контролируемое ими мировое информационное пространство (прежде всего телекоммуникации и Интернет).

Что же необходимо предпринять цивилизациям Востока (в союзе с евразийской – включая Россию – и другими пограничными цивилизациями), чтобы противостоять этому контрнаступлению и перейти к многополярному миру, фундаментом которого – партнерство народов, культур и цивилизаций?

В данном случае автор полностью поддерживает мнение многих российских политологов и экономистов, которые считают, что для достижения этой цели необходимо:

во-первых, объединяющая *цивилизационная идея*, глубоко проработанная теория, которая выясняет сущность, закономерности циклической динамики и перспективы цивилизаций. Основы такой теории заложены школой русского циклизма и, в частности, П. Сорокиным, современными «цивилизационщиками» в России и за рубежом. Однако пока эта теория не признана большинством научных школ, особенно на Западе, а главное, она не стала *основой массового сознания в самой России*, формирования мировоззрения ее *подрастающих поколений*.

Между тем, первостепенное значение эта теория имеет именно для цивилизаций Востока, евразийской цивилизации и России в том числе, перед которыми встанет роковой гамлетовский вопрос: быть или не быть в XXI веке? Обоснованный ответ поднимет пассионарную волну на Востоке, без которой невозможно возрождение ни его древних цивилизаций, ни традиционных культур многочисленных этносов и народов России;

во-вторых, необходима технологическая модернизация производства, которая не произойдет без рывка в образовании, преодоления неграмотности и профессиональной некомпетентности, без чего невозможно выбраться из пропасти нищеты, бедности и отсталости. Технологический прорыв должен изменить условия жизни, многократно повысить производительность труда и самообеспечения миллиардов людей.

Грандиозный эксперимент более чем миллиардного населения Китая, который в течение двух десятилетий обеспечивает среднегодовой экономический прирост около и свыше 10 % и повышение уровня жизни населения на 6 %, доказывает реальность таких устремлений и ошибочность позиции М.М. Голанского и солидаризирующихся с ним экономистов, утверждающих, что в условиях глобализации такой прорыв невозможен, что оставшие народы навеки обречены оставаться во втором и третьем эшелонах.

В этом контексте уместно подчеркнуть перспективность развития Сибири – самого крупного региона России, территориальными рамками восточной части которой ограничивается наше исследование.

Сибирь огромна, одни из самых больших государств мира – Китай, США, Бразилия – уступают ей по своей территории. По целому ряду экономических, социальных и культурных показателей: большой удельный вес трудоспособного населения; наличие культурного и интеллектуального потенциалов; в ряде районов – высокая концентрация квалифицированных кадров; наличие мощных

научно-индустриальных, образовательных центров, которые способны трансформироваться в техно-культуро-полисы; природные ресурсы; отсутствие международных столкновений; наличие политических лидеров, способных увязывать региональные приоритеты с общероссийскими – регион обладает наибольшим в стране потенциалом модернизационных преобразований и – что приобретает решающее значение – длительного и динамичного развития. Все это может выдвинуть Сибирь в лидеры модернизации в России.

К подобного рода выводу приходят сегодня не только аналитики, но и политики, хозяйственники, обладающие стратегическим чутьем, умением видеть перспективу страны. При этом и те, и другие, как правило, исходят из необходимости для России, вытекающей из ее геополитического положения, курса на сближение не только со странами Запада, но и со странами Востока, особенно Азиатско-Тихоокеанского региона, которые, согласно прогнозам, будут занимать в XXI веке ведущие позиции в мировой экономике.

В-третьих, силе ТНК, базирующихся в западных цивилизациях и умножающих их экономическую мощь, «необходимо, – считает академик Ю.В. Яковец, – противопоставить ТНК, объединяющие силы восточных (и евразийской) цивилизаций и способные на равных противостоять западным ТНК» [40]. Пример Японии показал, что это вполне реально, к сожалению, этот пример не увлек другие страны. Другой пример – ОПЕК, объединение нефтедобывающих стран, в свое время повергнувшее западный мир в состояние глубокого энергетического кризиса, да и сейчас поддерживающее мировые цены на нефть на сравнительно высоком уровне. К сожалению, и здесь общность коренных экономических интересов большинством восточных стран еще не осознана, что ослабляет их позиции в геэкономическом пространстве;

В-четвертых, многие российские политологи и экономисты считают, что

«нужны более целенаправленные и объединенные усилия восточных цивилизаций в *геополитической* сфере. Государства, относящиеся к этим цивилизациям, преобладают в мире по численности населения и составляют большинство в международных организациях, начиная с ООН и ЮНЕСКО. Однако их действия слабо скоординированы, они не добиваются больших успехов в отстаивании своих интересов против диктата выступающих единым фронтом западных цивилизаций. Потребуются как внутрицивилизационные политические союзы, так и более тесная координация действий между цивилизациями Востока в рамках ООН, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и других межцивилизационных объединений, более последовательное отстаивание идеи многополярного мира» [41].

И все-таки, с моей точки зрения, наиболее значимым, ключевым требованием времени является утверждение более последовательного осознания и отстаивания социокультурной самобытности как стран и народов Востока в целом, так и народов и этносов России в частности. Требуется осознанные, последовательные и мощные усилия, направленные на сохранение и обогащение их многотысячелетнего культурного наследия, которое сегодня теряет свои позиции под напором западной массовой культуры с ее безудержной пропагандой насилия, жестокости, махрового индивидуализма и калты наживы.

Речь в данном случае идет не столько о религиозных устоях, например, русского общества, сколько о разнообразных культурных, этнических и этических традициях, унаследованном от предков мировоззрении. Особенно это важно для будущего нашей страны – подрастающего поколения. При этом весьма опасным может оказаться стремление консервировать отжившее, возвращение к ценностям, отброшенным историей. И здесь нужна модернизация, трансформация обветшалого идеационального социокультурного строя в интегральный, не разрушающий

глубинных основ самобытности культур всех народов России. Особенно важно проводить этот курс в семье, в системе образования и средствах массовой информации, которые находятся под опасным унифицирующим воздействием западной идеологии, серьезно угрожая разрывом всяких связей между поколениями отцов и детей.

Почему приходится напоминать здесь об образовании? К этому нас призывает тема исследования, пафосом которого является неразрывная связь культуры с образованием и воспитанием. И хотя более подробно об этом будет говориться в следующей статье, все же отметим здесь следующее.

Известно, что «образование» – это не что иное, как формирование образов в головах и сердцах людей, а это, в свою очередь, и есть главная функция культуры. Вместе с тем, образование – важнейший ее канал, аналогично каналам продвижения крови в человеческом организме – венам, артериям и т. д. Есть и еще достаточно эффективный канал культуры – средства массовой информации. Если же эти каналы забиты «тромбами» отечественной «псевдокультуры» или приспособлены только к движению западной «донорской» крови, то никакого обогащения «кровью-культурой» «организма-общества» не произойдет. Если у нас маленькие дети будут и дальше просыпаться под жуткие крики мистера Скруджа из диснеевских мультфильмов: «Где мои деньги!!!», «Я тебя убью!!!», а не под звуки гуманной песенки крокодила Гены, то в совсем недалеком будущем мы пожнем то, что посеяли...

Сами по себе и «кровь-культура» и «каналы-сосуды» ничего не значат. Они сильны своим единством. К сожалению, как уже отмечалось выше, такого единства в российской действительности на сегодняшний день не существует даже на институциональном уровне. Зачастую, несмотря на значительный вред духовной экспансии западной массовой культуры в ее глобализационном варианте, российская культура, образование и средства

массовой информации ведут себя, как персонажи крыловской басни: «Лебедь рвется в облака, Рак пятится назад, а Щука тянет в воду».

Между тем, эту проблему хорошо понимали большевики. Несмотря на существующую сегодня конъюнктуру, или «моду» видеть их деятельность только в черном цвете, рискну напомнить, что при формировании первого советского правительства (которое, кстати, состояло всего из девяти комиссариатов, а не из сотни сегодняшних министерств и председателей госкомитетов) был создан комиссариат просвещения (Наркомпрос) во главе с А.В. Луначарским. Этот государственный орган безо всяких посредников руководил развитием культуры, образования и просвещения в их единстве и нерасторжимой целостности.

Конечно, в те годы были другие задачи, главная из которых – ликвидация неграмотности в самом широком смысле этого слова. Однако при формировании современной культурной политики России, как мне представляется, без реформирования управленческих структур культуры и образования под натиском процессов глобализации в духовной сфере не обойтись.

Это тем более важно при ликвидации повальной «неграмотности» в умении грамотно вести межкультурный диалог внутри полиэтнической страны и со всем миром. Для нас совершенно ясно: если мы хотим, чтобы национальная культура и образование проникали во все «поры» общества, мы должны готовить кадры, готовить людей для современного жизнеобеспечения государственного организма, для безопасности своей страны в условиях жесткого прессинга культур современного мира. Этим плодотворно, без межведомственных «раздраев» должен заниматься только один координирующий государственный орган, объединяющий под своим началом культуру, образование и СМИ.

Что касается российской системы образования, то, на наш взгляд, она сегодня развивается преимущественно по запад-

ной парадигме. Недавнее подписание Болонской декларации тому пример, хотя проблемами доступности, фундаментальности, системности и качества образования мы могли бы заниматься и без «болонизации». Разве для России эти проблемы второстепенные, если мы не хотим остаться на обочине той дороги интеллектуализации, которую выбрали сегодня в качестве стратегии своего развития в XXI веке многие страны мира? С другой стороны, трагедии пока что никакой нет, просто Россия и Восток в целом пока еще не могут предложить своих альтернатив в данной сфере. Это можно проиллюстрировать хотя бы числом, местом проведения и значимостью образовательных форумов последних лет, решения которых носят явно глобализационный характер.

Так, на конференции министров образования европейских государств (1971 г.) было обозначено пять основных моментов общеевропейского измерения в образовательных системах: взаимное признание дипломов; обоснование идеи формирования европейского университета; кооперация вторичного и высшего образования; создание европейского центра образования; учреждение не ограниченного государственными границами института высшего образования.

Дальше – больше. В 1976 г. состоялась презентация программы действий европейских стран в области образования. В 1992 г. подписан Маастрихтский договор, направленный в том числе на формирование системы общеевропейского образования. 25 мая 1998 г. министрами образования главных стран Европы была подписана «Совместная декларация о гармонизации системы европейского высшего образования». В июне 1999 г. увидела свет Болонская декларация, которая стала поворотным пунктом в развитии высшей школы Европы в направлении интеграции. Летом 2003 г. в Болонское соглашение вошла Россия. В сентябре 2001 г. состоялась Парижская международная конференция по образованию. Ее участники – представители 127 стран мира –

обратили внимание на реформы в области образования и призвали к улучшению его качества в условиях глобализации, культурного многообразия и достижений научно-технического прогресса, а также к поиску новых подходов обучения по принципу: «учиться жить вместе».

Как видим, мировые тенденции, сложившиеся в сфере образования, неизбежно ведут к превращению образовательной сферы в открытую глобальную информационную систему. Многие страны видят дальнейшее развитие национальных (пока еще – В.К.) образовательных систем в нарастающем использовании дистанционных технологий, что в условиях развития информационных и телекоммуникационных технологий обеспечивает процессы интернационализации образовательной деятельности, когда происходит стирание границ между национальными образовательными системами. (Если учесть, в чьих руках находится «штурвал» этих самых коммуникаций, феномен неразрывности процессов образования и воспитания, то вопросы о том, каковы будут результаты этих процессов, становятся полной риторикой).

Что же делать? Если невозможно избежать вхождения России в формирующуюся ныне систему мирового сообщества, то, очевидно, вполне возможно и необходимо России выработать свою собственную модель (особый путь) модернизации всех сторон ее бытия, опираясь на особенности ее природы, истории, уровня развития технологии и экономики, права, нравственности, общей культуры и религии, менталитета народа. С тем, чтобы указанная модель способствовала вхождению в «мировую цивилизацию» с наименьшими потерями, была бы направлена на сохранение, укрепление самобытности России, обеспечение ее длительного и динамичного развития в будущем.

Известно, что в России не сегодня, а в течение многих веков формировалась и продолжает формироваться иная версия планетарного развития, иная модель гуманизма, альтернативная той, которая

базируется на абстрактных «общечеловеческих ценностях». Российская модель развития, опираясь на традиции соборности и коллективизма, в противоположность потребительской концепции развития, отстаиваемой Западом, не только не исключает идеалов свободы, справедливости и социальной защищенности, а, напротив, предполагает их, причем предполагает воплощение этих идеалов в действительно гуманной и мягкой форме.

В России, может быть, как ни в одной стране мира, сформировалась уникальная по своему нравственному и эстетическому богатству традиционная народная культура, которая и по сей день удивляет и восхищает талантом и мастерством наших предков. Ее особый характер выработан историческими условиями, укладом жизни, крестьянским содержанием труда, своеобразным бытом и, конечно же, неповторимой духовной атмосферой народной жизни, врожденным природным мировоззрением, своеобразными формами общения представителей различных этносов, населяющих ее бескрайние просторы.

Между тем, в последнее десятилетие в отечественной философской, социологической и культурологической литературе, общественном сознании все шире распространяются идеи глобализации культурных ценностей народов мира, что действительно открывает по-настоящему широкие возможности приобщения к ним народов России. Идеи этих ценностей расширяют возможности понимания шедевров материальной и духовной культур, рожденных в недрах греческой, итальянской, французской, немецкой, английской и других национальных культур, ставших общекультурным достоянием.

Однако нужно обратить внимание на одно весьма важное обстоятельство. Речь идет о *приобщении* русского и других народов и этносов России в процессе глобализации к общекультурным ценностям, приобщении национальных культур к общечеловеческой культуре. Приобщение же как философская категория озна-

чает вовсе не простое соприкосновение, а органический процесс вхождения одной системы ценностей, знаний в другую, за счет чего эта другая система приращивается, равно как и приобщающаяся система вбирает в себя ценности другой, обогащая свое духовное состояние. Следовательно, для того, чтобы можно было приобщиться к общечеловеческим культурным ценностям, необходимо иметь и сохранять *собственную национальную культуру, собственные материальные и духовные культурные ценности*. Здесь как раз и возникает проблема, суть которой заключается в неоднозначной трактовке некоторыми отечественными философами, культурологами и социологами соотношения национального и общечеловеческого в развитии культуры.

Анализируя результаты перестройки в России, скроенной исключительно по западному образцу, патриарх отечественной философии культуры В.М. Межуев весьма точно сформулировал суть процесса разрушения национальной культуры. «Назвав коммунизмом все, что отличает Россию от Запада, – пишет философ, – российская интеллигенция фактически восстала не против коммунизма самого по себе (что это такое, она толком и не понимала), а против того, что составляет своеобразие России и живущего в ней народа. Под видом борьбы с коммунизмом она объявила войну самой России» [42].

Действительно, трудно назвать другую страну, где разрыв между великой народной культурой и культурой значительной части интеллигенции был бы так резок и глубок, как в России. Кстати говоря, великие представители русской интеллигенции – Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский и другие – очень остро ощущали этот разрыв. А. Платонов, например, говорил, что «великие русские писатели всегда противостояли интеллигентской «массовке», жадно глядящей на Запад, протестовали против бессмысленных разрушений национальной культуры именем европейской цивилизации». А.К. Аксаков считал, что отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение

– значит, лишить его участия в деле всего человечества. Сегодня как никогда актуально звучат его слова, написанные еще в 1859 году в статье «Опыт синонимов. Публика – народ»: «Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики парижские моды. У народа свои русские обычаи... Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща, народ вечен». Все это убеждает нас в том, что «менять лошадей на переправе» вряд ли целесообразно.

В связи с этим, глубокое сожаление вызывает игнорирование влиятельными российскими кругами того обстоятельства, что путь России, как справедливо отмечали еще русские народники, не должен быть повтором пути Запада и не может быть таковым. Особый путь России – это объективная необходимость, с которой нельзя не считаться. По утверждению философа Ю.В. Олейникова, «пока Россия не достигнет уровня энергозатрат на душу населения, компенсирующих потребности преодоления природно-климатических трудностей и противостояния разным странам, она обречена на сохранение коллективных форм хозяйствования и в целом бытия общества, на идеологию коллективного выживания. В противном случае ей грозят утрата собственной идентичности, экономической самостоятельности, национального суверенитета и независимости, культурного своеобразия, территориальное расчленение и т. д.» [43].

Автору трудно не согласиться с таким аргументом. Сказанное, конечно, не должно означать отрицания многообразия форм собственности вообще; но само это многообразие, оптимальным образом скоординированное, должно служить, по нашему мнению, не задаче коллективного вхождения в «мировую цивилизацию» во что бы то ни стало, а задаче коллек-

тивного выживания российского общества, укрепления внутреннего единства.

В этой связи я полностью разделяю точку зрения ученого-экономиста А.И. Яковлева, по представлениям которого «в нынешней России должна сложиться многоукладная экономика, в которой доля общественной собственности (федеральной, субъектной и муниципальной) должна занимать примерно 65-70 %, доля частной собственности – 25-30 %, и в пределах 3-5 % – иностранная собственность. Исходя из интересов национальной безопасности и независимости государства, ему должны принадлежать все стратегически важные богатства и отрасли народного богатства (разработка и добыча природных ископаемых, энергетические, природные, биологические ресурсы, связь, стратегические железнодорожные, автомобильные, морские и речные виды транспорта, оборона, охрана границ, космос, атомная энергетика, государственное управление, фундаментальная наука и т. п.)» [44].

Помимо этого, очевидно, надо учитывать, что государство в современных развитых странах мира является главным собственником, а частная собственность функционирует под контролем государства.

По данным забайкальского ученого, профессора В.А. Кобылянского, «для поддержания достигнутого уровня благосостояния Японии достаточно использования в год 3 тонн условного топлива на человека, России же около 18 (сейчас у нас добывается около 6)». В этих условиях игнорировать необходимость особого (коллективистского, соборного) пути развития России является больше чем «ошибкой». Однако радует то, что попытки обоснования особого пути развития России, принципов соборного хозяйствования и коллективной организации общественной жизни, несмотря на устрашающую «демократическую» критику, все более и более активизируются в наше время, и об этом достаточно убедительно пишется в книге Н.М. Чуринова «Совер-

шенство и свобода», изданной в Красноярске в 2001 году.

Обращаясь в данной работе к истокам культурного потенциала, автор отдает себе отчет в том, что самобытность России не есть некое архитектурное излишество, от которого при желании можно с легкостью отказаться. Самобытность России я понимаю как фактор динамичного развития, сохранение которой (самобытности) и которого (динамичного развития) особое значение приобретает именно в условиях ее включения в общемировой процесс глобализации.

Сохранение и возрождение самобытности России, всех россиян, при всем благородстве исходных посылов, не может быть единственной и конечной целью, безразличной ко всему остальному. Всякие попытки возвращения к прошлому и его консервации в современных условиях несерьезны и обречены на провал. Кроме того, они дискредитируют саму идею самобытности России. Воскрешение всего положительного в прошлой и настоящей российской истории необходимы для того, чтобы развитие шло органично, на своей собственной основе, разумеется, с учетом многообразных, в том числе и внешних влияний, различных обстоятельств, времени и пространства. Другими словами, самобытность России следует рассматривать не иначе как фактор ее динамичного развития, а последнее, в свою очередь, – фактор сохранения (возрождения) самой самобытности. Такова, в общих чертах, диалектика любого развития, представляющая нерасторжимое единство сохранения и изменения.

Конечно, хотелось бы не ограничиваться формулированием методологических соображений (хотя, при написании любой научной книги без этого не обойтись), а найти соответствующие правильные решения конкретных задач. Однако здесь потребуются усилия многих и многих. Главное – потребуются твердая и одухотворенная политическая воля, направленная на практическую реализацию глубоко продуманных и научно обоснованных, исторических и нравст-

венно-оправданных решений в пользу (а не вопреки) интересам России и ее многонационального народа.

Итак, выше были даны как положительные, так и отрицательные характеристики современного процесса глобализации, показана степень его влияния на развитие стран Востока в целом и Россию в частности. Кроме того, автор высказал свои субъективные взгляды на контуры возможного ответа восточных цивилизаций, евразийского материка и конкретно России на вызов глобализации по западным эталонам. Насколько радикальным, эффективным и успешным будет этот ответ – покажут ближайшие десятилетия. Мне остается лишь добавить, что решающая роль в выборе надежного пути в будущее принадлежит народам, культурному потенциалу государств, базовым основанием которого являются традиционный менталитет, традиционная идентичность, ценности национальных культур, которые могут стать определенной преградой на пути влияния негативных тенденций глобализации на каждую страну, на каждый народ, на каждую семью, на каждого человека. Народы, страны и их правительства должны знать, что ошибочные ориентиры, выбранные сегодня, могут обернуться непоправимой бедой завтра.

Литература

1. Глобализация, культура, цивилизация: материалы Междисциплинар. семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М., 2003. Вып. 7. С. 110.
2. Там же.
3. Делягин М.Г. Глобализация: энцикл. М., 2003. С.27.
4. Делягин М. Г. Антиглобализм как он есть // Вестн. РФО. 2002. № 2. С. 48.
5. Там же. С. 33.
6. Савас М.М. Глобализация как переход к социализму // Альтернатива. 2000. № 3. С. 67-79.

7. Яковец Ю.В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. М., 2001. С. 55.
8. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. 58 с.
9. Моисеев Н.Н. Экологическое мировоззрение. М., 1991. С. 35.
10. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М., 1991. С. 21.
11. Яковец Ю.В. «Указ соч.» С. 44.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Civilizations and World Systems: Studing World – Historical* /Ed by. S.C. Sanderson. 1995. 231 p.
15. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия /сост. Б.С. Ерасов. М., 1999. С.132.
16. Там же.
17. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1979. 600 с.
18. Сравнительное изучение цивилизаций. С. 150
19. Там же.
20. Моисеев Н.Н. Экологическое мировоззрение. М., 1991. С.84.
21. Тишков В.А. Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы // *Размышление о будущем: сб. ст.* М., 2005. С.67.
22. Философско-методологические исследования глобализации // *Вестн. РФО.* 2002. № 2. С. 66.
23. Фроянов И.Я. Глобализация под знаком молота и мастерка// *Советская Россия.* 2002. 6 июля.
24. Там же.
25. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
26. Уайт А. Русская политика самосохранения // *Литературный Иркутск.* 1992. № 1.
27. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство// *Собр. Соч. Т.5.* М., 1992.
28. Корольков А. русская духовная философия. СПб., 1998.
29. Устойчивое развитие: утопия или императив? // *Вестн. РФО.* 2002. № 2.
30. Философско-методологические исследования глобалистики // *Вестн. РФО.* 2002. № 2. С. 23-29.
31. Яковец Ю.В. «Указ. соч.» С. 54.
32. Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. С.87.
33. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 213.
34. Там же.
35. Там же.
36. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С.131.
37. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers.* L., 1986.
38. Hantington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Ordtr.* 1996. № 4.
39. Моисеев Н.Н. «Указ. соч.» С.67.
40. Яковец Ю.В. *Указ. соч.* С.53.
41. Там же.
42. Олейников Ю.В. *Природный фактор исторического бытия России.* СПб., 1998. С. 123.
43. Яковлев А.И. Нужен общественный идеал // *Вестн. РФО.* 2002. № 2. С. 14-124.
44. Там же.
45. Кобылянский В.Л. Глобализация и устойчивое развитие России (к проблеме одухотворения деятельности людей) // *Постнеклассическая наука: проблема человека: сб. тр.* Улан-Удэ, 2003. С.76.

Продолжение в следующем номере.